

Мария Петрова

Батя

Мария Петрова

Батя

«Автор»

2026

Петрова М.

Батя / М. Петрова — «Автор», 2026

Как справляются дети в семьях, где взрослые не справляются? Зарисовка из жизни десятилетнего Севы о неожиданных подарках судьбы и предсказуемых утратах.

© Петрова М., 2026

© Автор, 2026

Мария Петрова

Батя

– Всеволод, сядь нормально, не крутись!

Когда мать называла Севку полным именем, это означало крайнюю степень ее раздражения. Хуже было только «Всеволод Геннадьевич» – по имени-отчеству. Такое он мог припомнить всего пару раз в своей жизни, и воспоминания были не из приятных.

Сегодня весь день мать злилась на отца, обзывала его «потачником», накупившим детям «всякой дряни», ничуть не заботясь о том, что с полочки не осталось ни шиша. Сева чистил картошку на ужин, смиренно выслушивая это зудение. Даже когда мать отвесила ему подзатыльник за слишком толстую кожуру и «перевод продукта», он не пискнул, а только покорно кивнул. Жадная у него мамка, это Сева давно понял. То за картошку ему выговаривает, то на корточках сидеть ему запрещает, чтобы штаны на коленках не вытягивались. Да еще врет, мол, у них в семье все общее, а сама Ирка так уши надрала, когда та взяла ее помаду, что их можно было на елку вместо новогодних игрушек вешать.

Но сейчас придирки матери Севу ничуть не задевают, его греет мысль об импортной шоколадке, которую батя вчера тайком сунул ему, потихоньку от Ирки. И от матери, само собой, она же на сутках была – иначе бы вечер прошел совсем иначе. Время от времени Сева трогает карман своей расстегнутой тренировочной куртки, чувствуя через слой синтетической ткани шуршащую, манящую обертку с лучшим на свете батончиком. В день полочки отец всегда приносил ему что-нибудь такое, чего у матери в жизни не допросишься. Один раз только согласилась купить такую шоколадку, и то неохотно. Заставила снять упаковку, разрезать на три равных части: ему, ей и Ирке. А ведь так вообще никакого вкуса не остается, если класть в рот маленькую дольку, а не кусать, как в рекламе показывают, приспустив целлофановую кожу с этой вкусоности.

Надо прекращать трогать карман, а то Ирка уже зыркает на него подозрительно. Если прознает, сразу пожалуется матери, как в тот раз, когда батя насыпал ему в ладошку новеньких блестящих рублей и копеек, которые отчеканили взамен прежних замызганных тысяч и сотен. Несколько старых бумажек Сева забыл истратить – и теперь они лежали вместо закладок в книгах. А новенькие монеты он аккуратно сложил в старый рюкзак, с которым он с этого года уже не ходил – несолидно в пятом классе появляться в школе с дурацкими шенками на спине. Наружная молния у этого рюкзака совсем разошлась, зато внутренний карман надежно закрывался. Там-то Сева и спрятал свои богатства, серебристые и золотистые кругляши его финансовой независимости.

Точно, Ирка настучала, больше некому. Небось слышала, как он доставал иногда ночью рюкзак и пересчитывал свои богатства. Прикарманить она бы не решилась: ей все равно негде их потратить, потому что на улицу она выходит только с матерью, с Севкой или с бабушкой. Вот она и наябедничала. Однажды Сева пришел из школы, а рюкзак валялся вывернутый, словно кто-то придушил дурацких щенят. Без единой монетки внутри. И пожаловаться некому: бабушка всегда на стороне матери, а батя сам ее боится. Даже когда выпимши придет.

Это все потому, что у Севы нет своей комнаты. У них с сестрой одна на двоих, да еще и попасть в нее можно, только пройдя насквозь родительскую. На десяти квадратных метрах едва помещаются шкаф, две узкие кровати и Севин стол для уроков. Когда Ирка рядом, ему приходится закладывать пальцами уши, чтобы спокойно почитать учебник. Порой Сева звреет от одного ее дыхания за спиной: Ирка любит стоять рядом с его стулом, замороженно глядя, как брат выводит свои буквы в тетради, при этом противно сопит и хлюпает носом. Если мать заходит проверить, сделаны ли упражнения по русскому, мелкая тут же предьявляет

ей свои каракули: дескать, она тоже умеет писать. Мать хвалит ее и чмокает в макушку. Севе хочется, чтобы она и его приласкала, а он бы дернул головой и отстранил ее руку, потому что не маленький. Но, потрепав кудряшки Ирки, мать тут же вспоминает о пригорающей картошке и бежит через родительскую комнату на кухню. Сева остается в компании Иркиных соплей и окончаний прилагательных.

Домашка вечно выходит у него грязной и неопрятной, потому что, написав недостаточно разборчиво, Сева по второму и третьему разу обводит буквы, пока металлический шарик не прогрызает бумагу насквозь, оставив круглый оттиск «ая» на три страницы вперед. Ему не хватает терпения, и Сева берет его у себя же взаймы, обещая себе, что, разделавшись с упражнениями, он вскочит, заорет, задрывает ногами, включив старый отцовский магнитофон на всю катушку. Но в реальности не успевает он поставить кассету, как мать тут же заглядывает в комнату и велит идти ужинать. И там тоже надо сидеть паинькой, стараясь не качаться на колченогой табуретке и не капать подливой на стол.

Сегодня Севе и стараться не надо, ему передается напряжение матери. Усадив детей за стол, она то и дело смотрит на часы, висящие на стене. Достает тарелки – взгляд. Накладывает картошку с противными капустными котлетами – взгляд. «Мам, я пить хочу», – хнычет Ирка. Наливает холодный кипяток из двухлитровой банки на подоконнике в чашку – взгляд. Как будто глаза ее прилипли к червяку минутной стрелки, тянущему за собой гусеницу стрелки часовой. Чем дольше они крутятся, тем больше брови матери хмурятся, превращая ее лицо в сморщенную сливу.

Какая-то возня за дверью, щелкает язычок замка, и в прихожую вваливается невидимый еще, но уже различимый на слух отец. Сева с Иркой вскакивают со своих мест, но мать резко бросает, чтобы они доедали и не прыгали. Уходит в прихожую, шипит что-то, отец вяло бормочет в ответ, звякают падающие на тумбочку ключи. Сева с Иркой слезают со своих табуреток и осторожно приоткрывают дверь кухни: эта картина, хоть и была привычной, заворачивала их.

- Явился! Ты на время смотрел вообще?
- Люба, – отец морщится, как от нитроглицерина, – Ну, хорош! Я ж пришел...
- Пришел! А в каком виде ты пришел? На тебя дети смотрят, тебе перед ними не стыдно?
- Не смотрят. Детям спать давно пора...
- Ты-то почему знаешь, когда им спать пора? Ты их укладываешь что ли?
- Нет!.. Жена моя их укладывает. Она хорошая мать, а я поганый отец.
- Признаешь, значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.